

Экология чтения и роль научной популяризации

The Ecology of Reading and the Role of Scientific Popularization

А. Л. Самсонов

Журнал «Экология и жизнь», Москва, Россия

A.L. Samsonov

«Ecology and Life» Journal, Moscow, Russia

Не так давно прошла презентация Национальной программы повышения грамотности и культуры чтения. Однако принесут ли затраченные на программу усилия и средства реальный эффект – это серьезный вопрос. И ответ на него напрашивается пессимистический в условиях, когда старая система государственного регулирования культурной сферы разрушена, а новая (рыночная) еще находится в процессе становления.

Экологическая доминанта эпохи

Прежде всего выявим специфику современного «культурного рынка».

Во все времена прогресс приносит с собой целый «букет» опасений, поскольку нарушает привычный уклад жизни. Нам эти опасения стало уже привычным связывать с экологическими угрозами, исходящими от выбросов развивающейся индустрии, технологии и урбанизации.

Идеи выхода из напряженного положения опять же опираются на научные разработки – это и новые технологии очистки-переработки отходов, и альтернативные источники энергии. Для преодоления экологических опасений общество неизбежно втягивается «вглубь» инновационных практик, все более изощренных. Разнообразие технических новшеств приобретает черты экосистем – начинают говорить о техноценозах, в которых каждому опасному (хищные вещи века!) новшеству отвечают поддерживающие равновесие «популяции жертв» – изобретений нейтрализаторов этого вреда (очистителей-поглотителей) или альтернативных решений. В этих условиях дальнейшее развитие логично и неизбежно описывается в экологических терминах – любое новшество должно найти свою «экологическую нишу» в обществе.

Возникают новые рынки, например, рынок водородной энергетики. По оценкам специалистов, он достигнет к 2010 г. объема 1,2 трлн долл.; показательно, что эта величина превышает даже объем информационного рынка, оцениваемого в 915 млрд долл. Если новые рынки экологических инновационных продуктов «перехлестнут» объем рынка средств «укрошения» информации, это будет означать лишь восстановление паритета виртуальных и реальных человеческих практик. Мощность «экологического шлейфа» цивилизации, возможно, станет достаточной, для того чтобы снять, наконец, устрашающие картины техногенного будущего.

Научно-культурный паритет

Нынешние призывы к возвращению культуры означают не что иное, как стремление исправить однобокость современной технократической культуры, все более сосредотачивающейся на технократических идеях. И здесь необходимо говорить уже о паритете практик науки и культуры в формировании мировоззрения новых поколений. Таким образом, современный этап работы по ликвидации неграмотности связан с уходом от «перегибов» технократизма, с возвращением на поле мировоззрения культуры морального выбора наряду с выбором на основе научных знаний.

Главное моральное опасение индустриальной эпохи было связано с образом человека-винтика, незначительной детали колоссального механизма общественного производства. В информационную эпоху происходит дальнейшая «рационализация» общества: каждый человек оказывается «игроком» глобального информационного рынка. Главным опасением информационной эпохи становится то, что человек, не справившись с нарастающим валом информации, теряет «компетентность»; не будучи в состоянии «быть в курсе» всех и всяческих новшеств, он имеет все меньше возможностей участвовать в жизни общества.

Однако информационная эпоха несет с собой и средства овладения валом информации – это базы данных и коммуникации доступа к их массивам в реальном времени. Растет и надежность

информационных технологий. Пользование ими становится такой же нормой в обществе, как грамотность, физическая культура или гигиена.

Глобальность цифрового пространства порождает и проблему цифрового тоталитаризма, когда становится возможной глобальное информационное оболванивание огромных масс людей. Новые «локальные» преступления, такие как хакерство выглядят в этом ключе как протест индивида против тотальной машины «оболванивая».

Производство истины

Для того чтобы человек в информационном обществе мог свободно обращаться со смыслами, проникая в суть предлагаемых ему текстов, необходимо научить его работать с интерпретациями действительности. Человек, в отличие от других существ, создает новые миры – рукотворные миры техники и виртуальные миры культуры, но в этих мирах происходит все тот же поиск истины, который лежит в основе функционирования всех миров природы. Основные механизмы этого поиска – коэволюция и оптимизация.

Машины «производства истины» (М.К. Мамардашвили) существуют как в человеке, так и в обществе. В обществе, стремящемся продлить собственное существование и сохранить жизни своих членов, истина должна постоянно производиться. И поиск наилучшего, «оптимального» приближения к ней, характерный для науки, никак не отрицает и не подменяет собой необходимости коэволюции всей культурной системы общества вместе с увеличением суммы знаний.

Когда общество в целом ищет свой путь «устойчивого» развития в виде «оптимального» в данных условиях компромисса экономического роста и культурного самосохранения, это отнюдь не должно пониматься как возвращение патриархальной культуры – просто потому, что культура не может стоять на месте, также как и наука – они обязаны развиваться совместно.

Роль научно-популярной журналистики

Язык – самый древний из инструментов информационного общества – создает поле человеческого общения. Языковое поле характеризуется тем, что любое понятие (и наиболее близкое к нему по смыслу слово) может быть выражено с помощью других слов языка; именно поэтому всякий раз нам удается понимать содержание новых сообщений и самим по-новому их пересказывать или переписывать. Разнообразие языков, доступных для чтения, позволяет нам проникать в глубины времени и природы, многократно расширяя диапазон человеческого общения – возникает общение между временами и поколениями, разворачивается панорама развития культуры и достижений науки.

В современном чтении неизбежно оказываются соединенными несколько взаимопроникающих языков, письменна науки и культуры образуют новые «сплавы», прочитать которые неспециалисту становится не под силу. И вот здесь выходит на сцену современного чтения незаменимый инструмент научной популяризации.

Прелесть и могущество языка состоят в возможности переформулировать понятия – в обычном языке это дает возможность понимания любых, самых отвлеченных идей. Поэтому инструментарий переформулировок, используемый в популяризации, оказывается необыкновенно важным инструментом прогресса. Вот почему в основе популяризации, в деле создания текста, который достаточно прост, чтобы не отпугнуть читателя, и достаточно содержателен, чтобы побудить его читать дальше, обязательно лежит работа по изменению формулировок, «переводу» проблемы из области действия одних слов и понятий в другую. Это работа, связанная с появлением новой интерпретации проблемы, и является сутью популяризации.

В то же время интерпретаций у одной и той же проблемы множество – сколько людей столько и мнений. Обязательно есть интерпретации, которые выгодны лицу или группам лиц, и они их поддерживают, используя экономические или властные «ресурсы». Сегодня эти приемы известны как PR-технологии, их используют для доказательства правильности идеологий, учений и действий.

Конечно, такого рода «интерпретации» выходят далеко за рамки объективности. Но как схватить за руку недобросовестных «популяризаторов» собственных интересов, продвигающих их в общество с помощью PR-технологий? Встает и другой вопрос: можем ли мы для «благого дела», например, для пропаганды достижений науки, культуры и искусства, для продвижения «чтения в

массы», использовать PR-технологии? Ответы на эти вопросы дает наука. Научный метод подразумевает такое понимание четко сформулированной, ограниченной некими рамками задачи, которое не зависит от того, сколько можно выдвинуть мнений по этому поводу. Наука учит выбирать из множества возможных схем расстановки фактов лишь ту, что соответствует реальности – и проверяет это экспериментом. Утверждения науки справедливы не только там, где «сложилось мнение», она дает нам в руки критерии объективности и инвариантности как надежные инструменты поиска истины. «Исходное» содержание научно-популярного текста всегда максимально объективно, а написан он так, чтобы суть проблемы выявилась без специальной терминологии.

Азы журналистики предусматривают объективность подачи материала и в этом методы журналистики близки к методам науки, однако в ней всегда присутствует компонент личной позиции пишущего, которую он не может не отстаивать. Позиция эта – этическая, она лежит в области морали, а не науки.

Культура имеет свои «инструменты» производства истины – это виртуальные «лаборатории» писателей и художников, в которых происходит осмысление действительности; там, в тигле человеческих страстей по крохам выплавляются зерна истины, которая так нужна обществу «здесь и сейчас».

При том, что суть человеческих конфликтов остается неизменной на протяжении веков, культуре приходится всякий раз осваивать новый «ареал обитания»; в актуальной действительности появляются все новые «виды», роль которых в обществе раньше была совершенно иной. Рыцари и самураи уходят в прошлое, приходят террористы и фанатики-камикадзе, несущие прямо противоположный «общественный заряд». На месте вольного питья, воспетого Омаром Хайямом почти тысячу лет назад, в современной культуре «расцвели» разрушительные практики «измененных состояний сознания» – как в виде различных форм употребления алкоголя и наркотиков, так и в виде многочисленных мистических сект и течений.

Поддержание механизмов «поиска истины» – важнейшая задача, которую можно и нужно ставить в современном обществе. И здесь, конечно же, чтение может очень помочь.

«Экологическая составляющая» чтения

Уже говорилось о доминанте эпохи, которая заставляет сегодня создавать экологический противовес для каждой «хищной вещи века». Столь же необходима сегодня «экологическая полнота» культурного рынка. Роль «хищников» выполняет на нем продукция массовой культуры, массовая литература. СМИ, становящиеся вотчиной индустрии развлечений, в эйфории производства «продукта» забыли о том, что психика – это ресурс, который требует восстановления, что есть законы психической жизни, которые нельзя нарушать (как и законы природы) во избежание катаклизмов духа, более разрушительных, чем стихийные бедствия. «Пипл», который лишь «хаает» то, что ему показывают, представляет собой не меньшую угрозу, чем растущие горы вредных отходов на свалках эпохи промышленного производства и урбанизации.

Сегодня в роли «жертв» рынков культуры выступают литература научно-популярная и литература интеллектуальная. И то, что на государственном уровне возникают инициативы поддержки культуры чтения, означает понимание того, что механизмы «производства истины» в обществе находятся под угрозой, что общество задыхается без столь необходимого ему для нормальной жизни чтения. Приходит осознание необходимости восстановления «полноты» культурной сферы, добавления в нее недостающих в экосистеме «культура» компонентов.

Несомненно, в современном российском обществе, государственная поддержка – лишь временная подпорка. Необходимо формирование новых экологических рынков – и в области экологических инноваций в технике, и в области культуры (в том числе культуры чтения). И уже можно видеть, как нарождается рынок экологической составляющей культуры. Этот рынок содержит в себе целое поле значений – от глубинной тревоги, коренящейся в древнем преклонении перед природой, через мичуринское стремление «не ждать милостей от природы» в брать их буквально силой, и до научной задачи совместного управления обществом и природой. Эта последняя – наиболее современная постановка задачи, имеет собственную историю – в фазе принятия человечеством на себя ответственности за природу – это не что иное как ноосфера Вернадского. В тоже время в последнее время – в особенности летом и осенью 2007 года, эта задача приобрела конкретику борьбы с глобальным потеплением. На сегодня можно констатировать, что существует

международная решимость заявленная на уровне Генеральной Ассамблеи ООН. На сессии 24 сентября 2007 года генеральный секретарь Пан Ги Мун заявил: «Сегодня время для сомнений прошло! Группа ООН по изменению климата однозначно заявила, что глобальное потепление напрямую связано с человеческой деятельностью». Эта установка на уровне ООН ведет к созданию реального экономического сектора работающего по тематике устойчивого развития. Эта новая глобальная реальность для общества, новая его цель. Изменения целей общества, состоящие в неразрывной связи с возникновением новых технических или социальных практик, находились в фокусе внимания известного исследователя современной экономической науки Джона Кеннета Гэлбрейта, который пришел к выводу что новые рынки формируются как композиция новых целей и новых общественных механизмов для их реализации.

Таким образом проблемы экологии меняют саму общественную реальность и задача профессионалов – в том числе профессионалов библиотечного дела, быть адекватными этому процессу. Фокус чтения будет смешаться – в сторону проблем и реалий, диктуемых глобальной экологической ситуацией. Будут появляться новые темы и новые герои – как это происходило во времена Диккенса, первым увидевшего новую реальность индустриальной эры. Сегодня на нас наступает реальность экологической экономики – и наша задача обеспечить чтение, которое отвечает этой реальности. Популярная литература – это вариант психологически «мягкого» перехода, когда «дружественный интерфейс» популярной журналистики позволяет человеку освоиться с задачами и проблемами, которые будут сопутствовать и ему и обществу, в котором он живет, значительный период его жизни. Хотелось бы, что бы и государственные механизмы оказались «дружественны» к этому процессу – и оказали реальную, а не номинальную помощь и поддержку в деле освоения новых общественных реалий.